

НИНА ФЕОКТИСТОВА

БЫВШИЕ

Нас

ПРОСТО
НЕ БЫЛО...

Нина Феокистова

Бывшие. Нас просто не было.

<https://litres.ru/74237358>

SelfPub; 2026

Аннотация

—Запомни, что я тебе сейчас скажу:на таких, как ты, не женятся, Алевтина, — говорит он тихо , чеканя каждое слово. — Ты просто обслуживающий персонал и как правильно моя мама сказала , человек второго сорта..

Слова бьют наотмашь , так сильно, что кажется , еще немного и я заплачу. Я чувствую, как они входят в сердце как кинжалы, как больно царапают. «Второй сорт». Я — просто вещь для него, которую можно взять, а потом выбросить за ненадобностью.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Нина Феоктистова

Бывшие. Нас просто не было.

Глава

ПРОЛОГ.

Я стою в прихожей. В руках у меня моя сумка — та самая, с которой я приехала сюда три месяца назад. В ней всё моё богатство: нижнее бельё, расчёска, зубная щётка и мои разбитые мечты.

Богдан стоит напротив меня. Он молча скрестил руки на груди и не мигая смотрит на меня. На нем дорогой костюм, у него идеальная стрижка, глаза — как серый лёд. Я смотрю на него и не узнаю его. Где тот мужчина, который защищал меня от своей матери? Где тот, кто шептал мне ночью «не плачь» и обнимал так, что я чувствовала себя на седьмом небе от счастья?

Его давно уже нет. Он исчез вместе с рассветом.

— Запомни, что я тебе сейчас скажу: на таких, как ты, не женятся, Алевтина, — говорит он тихо, чеканя каждое сло-

во. — Ты просто обслуживающий персонал и правильно мама сказала, что ты человек второго сорта.

Слова бьют наотмашь, так сильно, что кажется, еще немного и я заплачу. Я чувствую, как они входят в сердце как кинжалы, как больно царапают. «Второй сорт». Я — просто вещь для него, которую можно взять, а потом выбросить за ненадобностью.

— У тебя нет ни денег, ни связей, ни будущего, — продолжает он. Каждое слово, как пощёчина. — Ты вылезла из грязи и там же останешься.

Я хочу сказать что-то в свое оправдание. Хочу закричать: «Я же ношу твоего ребёнка! Я люблю тебя! Ты не имеешь права так мне говорить!» Но мой рот не открывается. Горло сжалось и казалось, что язык просто примёрз к нёбу.

Потому что я знала — это бессмысленно.

Он уже сделал свой выбор. Он выбрал свою мать. Он выбрал свою репутацию. Он выбрал ложь, потому что правда для него слишком страшная и неудобная.

— Собирай свои вещи, — сказал он мне часом ранее. Я собрала их за пять минут. Всё поместилось в одну сумку.

Теперь он смотрит на меня сверху вниз. Я для него — пустое место. Грязь под ногтями. Ошибка, которую нужно срочно исправить.

— Ты слышала меня? — лениво спрашивает он. В его голосе такая скука. Будто я задерживаю его от важных дел.

Я киваю. Молча. Потому что если открою рот, то закричу. Или заплачу. А этого делать при нём я не буду, никогда больше.

Он открывает дверь. За ней — ночь, дождь и холод. Погода на улице такая холодная, как его голос.

— Выходи отсюда и проваливай на все четыре стороны. И чтобы больше я тебя тут не видел. Расчет получишь завтра на карту.

Я делаю шаг. Второй. Третий. Переступаю через порог. Дверь за спиной громко захлопывается : этот звук отдается в голове похоронным маршем. Вот и все, как будто меня тут никогда и не было.

Будто меня не существовало.

Я стою на улице и не понимаю, что же мне делать дальше.

Ноябрьский дождь хлещет по лицу, по волосам, попадая под воротник пальто. Я же совсем не чувствую холода. Во мне сейчас только пустота и отчаяние. Огромная, чёрная, которая растёт и растёт у меня внутри, не давая мне вздохнуть полной грудью.

И только здесь, на улице, одна под ледяным ливнем, я позволяю себе заплакать в голос. Ветер завывает так сильно, что моих рыданий просто не слышно.

А слезы смешиваются с дождём. Они попадают мне в рот: соленые и такие горячие. Я прижимаю сумку к груди, и понимаю, что мне некуда и некому идти...

«Ты — второй сорт», всплывают в памяти его слова...

Я закрываю глаза. И впервые в жизни мне кажется, что он абсолютно прав.

Я не нужна никому: ни Богдану, ни этому городу, ни этому миру.

Я обычная девочка, которая так хотела любви и счастья, что почти поверила в то, что она его достойна. Но которую вышвырнули обратно в грязь.

Дождь никак не хотел заканчиваться, как и эта долгая ночь.

До рассвета еще так далеко, а я стою около ворот этого дома: разбитая, уничтоженная и униженная.

И мне кажется, что хуже, чем сейчас, мне уже не будет.

Глава 1.

Я никогда не думала, что взрослая жизнь начинается тогда, когда начинаешь считать копейки не потому, что ты жадная, а потому, что завтра не на что будет купить хлеб.

Мне двадцать три года. Я медсестра в районной городской больнице. Моя зарплата просто кошкины слезы. Я живу в съемной комнате в коммуналке на окраине города. У нас есть душ, но на три семь; туалет в конце коридора, и сосед дядя Вася, который по ночам орет матом на свою жену.

Меня зовут Алевтина. Но для всех я просто Аля. Да, та самая Аля, которая молча терпит все и никогда ни на что не жалуется.

Я это делаю не потому, что мне все нравится. Просто мне жаловаться некому.

Родители мои умерли, когда мне было восемнадцать лет. Сначала мама скоропостижно ушла: у нее обнаружили рак поджелудочной, и она растаяла буквально за три месяца. Потом папа — его сердце не выдержало разлуки, он умер через полгода как не стало матери. Брат Саша уехал в другой город, женился, у него теперь своя семья, ему не до меня. Мы созваниваемся конечно раз в две недели, рассказываем друг другу как у нас все хорошо и оба знаем, что врём.

В тот вечер я сидела на продавленном диване и пересчитывала свою мелочь. Тысяча двести тридцать рублей. До зарплаты оставалось целых девять дней. В холодильнике у меня была половина луковицы, два яйца и кетчуп. Счет за электричество пришел еще вчера, его нужно было срочно оплачивать. Хозяйка квартиры, тетя Зина, сказала, что если до пятницы не отдам долг за два месяца, она меня выгонит из квартиры.

Я смотрела в окно. Там шел снег. Крупный, мокрый, такой же серый, как моя жизнь.

«Господи, — подумала я. — Я хочу просто нормально поесть. Не икру, не омаров. Мне нужен кусок хлеба с маслом и горячий чай. И чтобы я не боялась завтрашнего дня».

Я тогда еще не знала, что бояться придется гораздо боль-

шего.

Объявление я увидела, когда шла с больницы с ночной смены. Уставшая, с синяками под глазами, в старом халате, который выцвел после сотой стирки. Серая бумажка на столбе гласила: «Пожилой женщине требуется сиделка с медицинским образованием. Проживание в доме. Высокая оплата».

«Высокая оплата».

Эти два слова ударили мне в голову, как доза адреналина. Я перечитала его раз десять. Потом взяла телефон в дрожащие руки и позвонила, чтобы не передумать.

Трубку взял мужчина. Низкий, спокойный голос — такой бывает у людей, которые уверенные в себе и не считают каждую копейку.

— Приезжайте через час, — сказал он. — Я пришлю вам адрес через смс.

Я накрутила прямо в автобусе купленный на распродаже помадой, прошлась тенями по глазам, накрутила тушью ресницы, которые слиплись в один комок. Потом посмотрела на свое отражение в грязном стекле и увидела чужое лицо.

Уставшее, изможденное. Я выглядела старше лет на десять.

«Ты простая девушка, Аля, — сказала я себе. — Не строй никаких иллюзий. Если ты им не понравишься, что ж, просто развернешься и уедешь обратно».

Дом в частном секторе был как будто из другого мира. Он был таким огромным, двухэтажным. Я позвонила в дверь и мне казалось, что сейчас мне откроет дворецкий в ливрее и сделает мне реверанс.

Дверь открыл ОН.

Это был очень красивый мужчина, я таких видела только на обложках журналов.

Я так смотрела на него, что забыла, зачем пришла. Забыла про свои долги, про голод, про то, что у меня нет нормальной обуви. Он стоял на пороге — высокий, темноволосый, с легкой сединой на висках, в рубашке, которая стоила как моя годовая зарплата. Глаза серые, холодные, с прищуром. Он смотрел на меня так, будто решал: пустить меня за порог или выставить сразу.

— Алевтина? — спросил он, чуть склонив голову в мою сторону.

— Да, это я — ответила. Мой голос даже не дрогнул. Это пожалуй, было единственное, чем я могла сейчас гордиться.

Он окинул меня внимательным взглядом. Посмотрел на мое дешевое пальто, потертые сапоги, небрежный пучок на затылке и потом только на лицо.

— Проходите. Только сразу предупреждаю: моя мать женщина с тяжелым характером.

Светлана Алексеевна сидела в кресле, укрытая пледом. Маленькая, сухонькая, с острым носом и глазами-буравчиками. Она посмотрела на меня так, будто я принесла в их дом заразу.

— Это кто? Богдан, кого ты мне привел?— спросила она сына, даже не поздоровавшись со мной. — Сиделка? Какая она худая, ты только посмотри на ее руки! Ей же только унитазы драить, а не уколы мне ставить. Откуда ты ее нашел, на помойке?

— Мама, — устало сказал Богдан. — Мы уже все с тобой обсудили и договорились обо всем. Ты опять начинаешь?

— Хорошо, хорошо, — скривилась вредная старуха. — Ладно, пусть остается. Но если что-то пропадет из этого до-

ма, предупреждаю тебя : отвечать за это будешь головой, милая. Поняла меня? — Она наконец-то соизволила посмотреть на меня.

Я сжала ремень сумки так , что побелели костяшки пальцев. В горле стоял ком, мешая мне сказать хоть слово.

Мне так хотелось в этот момент развернуться и с гордо поднятой головой уйти из этого места:но в ответ я просто улыбнулась и сказала чуть слышно: «Как скажете, Светлана Алексеевна».

И так я осталась жить и работать в этом доме.

Потому что мне нужны были деньги. Потому что мне некуда было идти. Потому что меня скоро выгонят из комнаты и я отправлюсь ночевать на вокзал.

Первые две недели я была для Богдана просто невидимкой или предметом мебели . Он меня просто не замечал. Богдан приезжал раз в два-три дня, здоровался очень сухо, проходил в комнату к матери, разговаривал с ней полчаса и уезжал. Иногда он привозил продукты. Иногда — цветы, которые Светлана Алексеевна тут же приказывала выбросить (У меня аллергия на эти веники!).

Я жила в маленькой комнате для прислуги на первом эта-

же. У меня была своя кровать, тумбочка, вешалка. Ничего лишнего. Я приходила туда поздно вечером, падала лицом в подушку и просто тупо молчала. Потому что если бы я начала плакать, то уже не смогла бы остановиться. У меня просто не было сил ни на что.

Светлана Алексеевна оказалась настоящим монстром. Она изощренно издевалась надо мной день за днем. То она специально роняла тарелки, чтобы я их поднимала, то звонила в колокольчик каждые полчаса, даже ночью. Она называла меня «деревенщиной», «нижегородкой» и «колхозницей». Однажды она сказала мне:

— Ты знаешь, Алевтина, почему ты такая несчастная? Потому что Бог не любит таких, как ты. Серых, безродных, ничемных и никому не нужных. Он создал вас лишь для того, чтобы вы прислуживали таким как мы.

Я молчала, хотя в душе у меня все пылало от возмущения. Как же сильно я ее ненавидела!!! Но я терпела, мне нужны были деньги: я стала копить себе на квартиру. Ведь зарплата тут была более чем приемлемая: Богдан, зная характер своей матери и то в каких условиях мне приходится работать, платил более чем щедро.

Но однажды она перешла все границы. Она ударила меня

трусью по ногам, когда я слишком медленно подала ей ее таблетки. Так сильно, что я не выдержала и вскрикнула. И именно в этот момент в комнату вошел Богдан.

Он увидел, как я тру ушибленную голень, что на глазах выступили слезы от боли и обиды.

Он не сказал матери ни слова, просто взял меня за руку и вывел в коридор.

— Простите ее, пожалуйста — сказал он тихо. — Она старая и больная женщина. Мама такой раньше не была, но после смерти отца она стала злой и раздражительной. С ней но одна сиделка больше месяца не выдерживала. Вот поэтому я и разместил везде объявления. Сам я с ней сидеть к сожалению не могу постоянно, у меня слишком много работы.

— Я понимаю, — ответила я, глотая горькие слезы.

Он так долго смотрел на меня, что мне стало как то не по себе.

— Когда ты ела последний раз? — спросил он вдруг, резко переходя на «ты».

Я растерялась.

— Что, простите?

— Я же вижу, какая ты худая. Ты готовишь моей матери еду, а сама ничего не ешь.

Я хотела соврать. Но он смотрел так пристально, что слова застряли у меня где-то в горле.

— Позавчера, наверное — сказала я шепотом. — Немного каши поела. Но я не голодна, вернее мне просто некогда даже сесть за стол...

Он на секунду закрыл свои глаза. А когда открыл, в них было что-то, чего я раньше не видела. Жалость? Или это что-то другое?

— Сегодня в десять часов, — сказал он. — Зайди в мою комнату.

И ушел.

Я не находила себе места весь день. Думала об этом постоянно. Пыталась понять, зачем он меня позвал к себе. В десять вечера Светлана Алексеевна уснула, приняв свое снотворное. Я же на цыпочках прошла по коридору, толкнула

дверь и вошла в спальню Богдана.

Он сидел на кровати. Рядом стоял столик, заваленный едой. Чего там только не было: курица, овощи, хлеб, фрукты и различные сладости.

— Садись, — сказал он. — Садись и ешь давай. И без разговоров.

Я молча села и принялась за еду. Я жевала и плакала одновременно. Потому что не могла вспомнить, когда в последний раз ела так вкусно и чтобы меня при этом никто не дергал.

Он не прикасался ко мне в тот вечер. Только внимательно смотрел. И когда я все доела, сказал:

— Ты не подходишь для этой работы. Слишком красивая...

— Мне некуда идти, — ответила я.

— Я что-нибудь придумаю, не переживай об этом. Ты не окажешься на улице, не бойся.

Я не поняла, что он имел в виду. Поняла только через три

дня.

Та ночь случилась после того, как Светлана Алексеевна назвала меня «шлюхой без стыда и совести» и бросила в меня стакан. Осколки разбились о стену в сантиметре от моего лица. Я выбежала в коридор, села на пол, прижала колени к груди и заплакала. Не тихо, а в голос, как ребенок.

Он вышел в ту же секунду из своей комнаты. В домашних штанах, без рубашки. Подошел, присел рядом со мной, обхватив мое лицо руками и заставляя смотреть ему в глаза.

— Тш-ш-ш, — сказал он, обнимая меня. — Не плачь. Я с тобой, я рядом, все будет хорошо...

Я уткнулась в его плечо. Он пах дорогим парфюмом и чем-то таким родным и таким своим....

Он поцеловал меня сам. Я же даже не думала сопротивляться. Потому что я хотела этого всей душой и всем своим сердцем. Потому что он давно мне очень сильно нравился. Потому что я об этом мечтала, лежа одна в холодной постели с тех самых пор, как увидела его впервые.

Он был очень нежным и ласковым для такого холодного человека. А потом он поднял меня на руки и отнес в свою

спальню. Мы не спали с ним до утра: только на рассвете он выпустил меня из своих объятий и я провалилась в сладкий сон.

А утром я проснулась в его постели. Он уже ушел. На подушке остался след его от его головы и запах, от которого у меня кружилась голова.

Я знала, что он женат и у него нет детей. Он и не скрывал этого. Жена — «за границей, в командировке». Он рассказывал о ней спокойно, равнодушно. «Света, — так ее зовут. — Она хорошая женщина. Но мы давно чужие друг другу и каждый живет своей жизнью».

Я не ревновала его, просто не имела на это никакого права.

Долгое время мы просто наслаждались друг другом, ни о чем не думая. Иногда я просто не верила, что это происходит наяву, а не во сне. Я ведь даже мечтать не могла, что такой мужчина, как Богдан может обратить на меня внимание. У меня никогда не было отношений, да я даже не целовалась еще ни с кем. Так что Богдан был во всем первым, чему он был очень рад. Он называл меня своей чистой и любимой девочкой. А я таяла от его слов и думала, что мне наконец-то повезло.

Но через месяц меня первый раз вырвало утром и все вдруг изменилось.

Глава 2.

Я не понимала, что со мной происходит. Но утренняя тошнота не отступала и я начала подозревать, что беременна. Купила тест в аптеке и трясущимися руками спрятала его в карман халата. Вечером, после того, как Светлана Алексеевна уснула, сходила в туалет и сделала все, как было написано в инструкции. Потом сидела и ждала ровно три минуты, считая удары своего сердца.

Тест мгновенно показал две полоски.

Я села на край ванны и мир поплыл перед моими глазами.

«Что же я наделала, — подумала я. — Что же я теперь буду делать?»

Нужно было все рассказать Богдану, он все решит, наверное он обрадуется ребенку. Конечно же обрадуется, ведь у него нет детей. Он же меня любит...

Но я не успела сказать ему, за меня это сделала его мать.

Светлана Алексеевна заметила раньше меня, что со мной что-то не так. Она сидела на своем кресле и смотрела, как я режу яблоко, и вдруг ядовито так усмехнулась.

— Что , давно тебя тошнит по утрам? — спросила она. — Грудь смотрю уже налилась? Да ты же беременна, мерзавка такая.

Я от испуга выронила нож из рук.

— Нет, — прошептала я. — Это неправда.

— Не ври мне. Я уже рожала, знаю все симптомы. — Она откинулась в кресле, и в ее глазах загорелся злой, торжествующий огонь. — От кого забеременела? От моего сына, да? Ты что, думала я ничего не замечаю, да? Да ты же слюнями чуть ли не капаешь, когда на него смотришь!!! Что, думала, ты хорошо устроилась? Родишь сейчас ему ребенка и обеспечишь себе безбедную жизнь? Я сразу поняла, что ты не такая простая, какой хочешь казаться! Только ты зря об этом мечтаешь, в нашей семье таким как ты, не место! И твоему ребенку тоже!!!

Я в очередной раз промолчала, просто не знала, что мне сказать на это.

— Что ж, — сказала она тихо. — Я эту проблему быстро

решу.

В тот же день она позвонила Богдану. Я стояла за дверью и подслушивала их разговор. Она говорила ласковым, усталым голосом — притворялась, что очень сильно расстроена.

— Сынок, у меня к тебе очень неприятный разговор. Твоя сиделка... она спуталась с твоим водителем, с Игорем. Я видела, как они шептались и зажимались по углам. И вечерами, когда тебя не было, он к ней приезжал. И представляешь, теперь она беременна. Какая бесстыжая, глаза бы мои ее не видели. Позор-то какой. Прости, но я не могу больше держать ее в своем доме.

Я хотела ворваться к ней и закричать: «Это ложь! Неправда! Это твой ребенок, Богдан! Не верь ей!!!». Но мои ноги меня не слушались. Я стояла как вкопанная и не могла сдвинуться с места. В голове билась лишь одна мысль: «За что она так со мной? Что я ей плохого сделала?».

Игорь, это водитель Богдана. У него есть жена и трое детей. Я его видела - то всего два раза в жизни и то мельком.

Богдан приехал через час. Он ворвался в дом как вихрь, с пылающими от ярости глазами.

— Это правда? — спросил он с порога. — Правда??? Ты спала за моей спиной с Игорем? Тебе меня было мало? Быстро же ты вошла во вкус . А еще строила из себя невинную овечку. Как же я в тебе ошибся...

— Нет, — отчаянно прошептала я. — Это неправда. Это твой ребенок. Твой!!! Ты же знаешь, что был у меня единственным мужчиной , как же ты можешь так про меня думать!

Он усмехнулся. Зло так, словно чужой.

— Ты сейчас серьезно ? Думаешь, я поведусь на твои слова? Ты — сиделка, без денег, без жилья. Я — владелец компании. И ты хочешь сказать, что я поверю в то, что ты не спала со мной ради выгоды? Все вы женщины одинаковые, ищите только свою выгоду.

— Богдан, посмотри на меня, — сказала я, чувствуя, как слезы душат меня. — Я не вру. Пожалуйста, поверь мне. Я же люблю тебя.

Он замер на секунду. В его глазах промелькнуло что-то и тут же пропало. Но тут из комнаты донесся голос Светланы Алексеевны:

— Богдан, выгони ее уже. Или я сама выйду и сделаю это. Мне тут не нужна гулящая девка. Избавься от нее, не хочу больше тут ее видеть.

Он поверил ей. Я видела этот момент — как что-то внутри у него будто умерло.

— Собирай свои вещи и проваливай отсюда, — сказал он глухо.

— Богдан, умоляю...выслушай меня...

— Я сказал , собери вещи! Или я сам это сделаю!!! — заорал он так, что я отшатнулась от него.

Я собрала сумку за пять минут. В ней было белье, расческа и зубная щетка. Вот и все мои вещи.

Он стоял в прихожей, скрестив руки на своей груди. Я посмотрела на него в последний раз. На его красивое лицо, на руки, которые обнимали меня всего два дня назад ласкали меня...

— На таких, как ты, не женятся, Алевтина, — сказал он тихо. — Запомни это . Ты обслуживающий персонал, человек второго сорта. У тебя нет ни денег, ни связей, ни буду-

щего. Ты пришла из ниоткуда и туда же уйдешь. И советую не говорить Игорю о ребенке: он все равно его не признает. У него и так их трое. А ради такой, как ты, он никогда не бросит свою семью.

Он не говорил, он плевался ядом. Его слова били наотмашь, как пощечины. Но я не стала больше плакать. Хватит слез, он не достоин их.

Я вышла за порог дома и дверь за мной захлопнулась с громким стуком. Вот и все, я осталась совсем одна.

На улице шел сильный дождь. Холодный, ноябрьский, ледяной. Я стояла под ним, и вода смешивалась со слезами, которые наконец-то полились из глаз.

Я осталась совсем одна. Мне некуда и не к кому было идти. Я беременна. Без денег. Без дома.

И самое страшное — я понимала, что он прав. Я никто, я человек второго сорта.

Глава 3.

Я не помню, сколько прошло времени с тех пор, когда ме-

ня выставили за порог дома.

Нужно было вызвать такси и уезжать, но но я не знала куда. Меня никто не ждал.

Сначала я просто шла по дороге. Скоро я устала и промокла, поэтому каждый шаг давался мне с трудом. А улица все не кончалась и не кончалась...

Мои глаза затуманены были слезами, поэтому я почти ничего не видела. Я шла бы не упасть в эту грязь.

А дождь всё лил и лил как из ведра. Он заливал мне глаза, и я уже не понимала, плачу я или нет. Внутри меня будто все заледенело. Сердце билось медленно, отчего казалось, что кровь застыла. А потом вдруг низ живота резко заболел. Так сильно, что я вскрикнула и остановилась.

Встала как вкопанная и прижала руку к животу.

«Нет, — подумала я в отчаянии. — Только не это. Пожа-луйста, только не ребенок...»

Боль полоснула снова. Она усилилась, спазмы стали сильнее. У меня вдруг подкосились ноги. Я сделала шаг, второй — и вдруг поняла, что падаю.

Я упала на колени прямо в лужу на дороге. Холодная вода сразу промочила джинсы. Но мне было всё равно. Я чув-

ствовала только боль и страх. И одну мысль в голове:

«Я теряю ребёнка. Единственное, что у меня осталось».

Я закрыла глаза и прокричала:

— Помогите... кто-нибудь...пожалуйста...

Но ветер заглушил мой голос. Никто меня не услышал. Никому не было до меня дела. Я сидела на мокром асфальте, обхватив себя руками, и раскачивалась взад-вперед.

«Второй сорт, — звучали в ушах слова Богдана. — Я просто второй сорт».

— Нет, — сказала я. — Маленький мой, я не позволю тебе меня бросить. Ты мой. Только мой. И никто и никогда не назовет тебя вторым сортом.

Я попыталась встать. Но ноги меня не слушались. Тогда я встала на четвереньки и поползла к обочине. Мимо проносились машины. Они обдавали меня грязью, но ни одна из них не остановилась.

И вдруг раздался резкий визг тормозов. Такой громкий, оглушающий. Яркий свет ударил в глаза и я зажмурилась,

отшатнувшись. Машина, чёрный джип — замерла в одном шаге от меня.

Дверь открылась и оттуда вышел человек.

— Ты с ума сошла?! — закричала женщина. — Я же тебя чуть не сбила! Ты чего на дороге сидишь?!

Я подняла голову. Сквозь дождь и слёзы я увидела её. Ей было около сорока лет, короткие волосы, чёрное пальто. Сначала она смотрела зло. Потом удивилась. А потом её лицо изменилось.

— Господи, — сказала она тихо. — Да ты вся в крови.

Я опустила глаза. Только сейчас я заметила, что джинсы на коленях порваны, а в районе паха все вымазано чем то темным. Я провела рукой — пальцы стали красными.

— Нет... — прошептала я. — Нет, пожалуйста... только не это... Я не хочу...

Женщина подскочила ко мне. Она не стала ничего больше спрашивать. Просто подхватила меня за плечи и поставила на ноги.

— Слушай меня внимательно — сказала она твёрдо. — Сейчас ты сядешь в машину и мы поедem в частную клинику. Поняла меня ?

— У меня нет денег... — просипела я. — Я не смогу оплатить...

— Замолчи! — крикнула она. — О чем ты сейчас только думаешь?! Ты что, ребёнка хочешь потерять?!

Она открыла заднюю дверь, почти с силой засунула меня внутрь, и через секунду машина рванула с места. Я лежала на сиденье, свернувшись калачиком, и чувствовала, как боль становится всё сильнее и сильнее.

— Держись, милая, — сказала женщина с переднего сиденья. — Слышишь меня? Разговаривай со мной. Тебе нельзя отключаться.

Я обхватила свой живот обеими руками и прошептала:

— Пожалуйста... только спасите его... я больше ничего и никогда ни у кого не попрошу...

Она вела машину одной рукой, а другой достала телефон.

— Алло? Это Вера Сергеевна. У меня экстренный случай. Девушка , примерно двадцать лет, беременна, срок маленький, подозрение на выкидыш. Да, я ее уже везу. Подготовьте операционную. Да, я поняла. Ждите.

Я слышала её голос сквозь шум в ушах. «Операционная», «беременность», «кровотечение».

— Я так боюсь, — прошептала я. — Мне очень страшно.

— Ничего не бойся, — ответила женщина. — Ты в хороших руках. Я врач, хирург. И я тебя не брошу.

Я не знала, верить ей или нет. Но в её голосе было что-то такое, отчего мне стало чуть спокойнее. Впервые за эту долгую ночь я почувствовала, что кто-то меня держит и не даёт упасть.

Мы въехали на территорию больницы. Женщина выскочила первая, открыла дверь с моей стороны и тут же к ней э подбежали люди в белых халатах с каталкой.

— Большая кровопотеря, — быстро проговорила она. — Срок около восьми - десяти недель. Угроза выкидыша. Скорее всего упало давление. Срочно везите ее на УЗИ.

Меня переложили на каталку. Я попыталась схватить женщину за руку.

— Не уходите... — попросила я. — Пожалуйста... не оставляйте меня одну...

Она внимательно посмотрела на меня. На секунду её лицо дрогнуло и она слегка сжала мою руку.

— Я здесь, — сказала она. — Я никуда не уйду. Обещаю тебе.

Каталка покатила по коридору. Лампы на потолке мелькали, как в страшном сне. Я слышала обрывки фраз: «давление шестьдесят на сорок», «пульс слабый», «готовьте операционную». А потом я закрыла глаза и отключилась.

Я очнулась в палате.

Всё вокруг было белое: стены, потолки и даже кровать, на которой я лежала. Пахло лекарствами и почему-то осенними яблоками. За окном было серое утро. Дождь закончился.

Я лежала и смотрела в потолок. Рука сама легла на живот.

Мой ребенок... Я чувствовала, что он там, что он меня не покинул...

Я заплакала. Уже не от боли, а от облегчения. Такого сильного, что оно разрывало меня изнутри. Я плакала и улыбалась одновременно, уткнувшись лицом в подушку.

— Ты в порядке? — услышала я голос.

Я подняла голову. На стуле у окна сидела та самая женщина, которая меня спала. Она смотрела на меня усталыми, но спокойными глазами. Только одета она была сегодня по-драгому, в медицинскую форму.

— Кто вы? — спросила я осипшим голосом.

— Меня зовут Вера Сергеевна, — сказала она. — Я заведующая гинекологическим отделением. И по совместительству я та, которая чуть не задавила тебя сегодня ночью на своей машине.

Я попыталась улыбнуться. Получилось мягко сказать не очень.

— А ребенок... — начала я.

— С ребёнком всё в порядке, — перебила она. — Я вовремя привезла тебя в клинику. Ещё бы час — и мы бы его не спасли. Но сейчас у вас с ним всё хорошо, — она усмехнулась. — Так что выдохни и успокойся.

Я закрыла глаза и выдохнула.

— Спасибо вам, — прошептала я. — Спасибо вам большое. Я даже не знаю, как вас отблагодарить...

— Ничего не нужно, — перебила она. — Лежи и отдыхай. Тебе сейчас нужен только покой. И чтобы больше никаких стрессов. Поняла меня?

Я кивнула.

Она встала, поправила моё одеяло и спросила:

— Как тебя зовут?

— Алевтина. Можно просто Аля.

— Аля, — повторила она. — Красивое имя. Так звали мою бабушку.

Она пошла к двери, но остановилась на полдороге.

— Отдыхай, набирайся сил — сказала она. — Я буду приходить к тебе каждый день. Потому что вижу по глазам, что у тебя никого нет, Аля. Я знаю взгляд человека, когда он остаётся совсем один.

Я не ответила ей. Потому что она была права.

Она сдержала свое слово.

Вера Сергеевна приходила ко мне
каждый день.

Один раз она принесла очень вкусные пирожные. Мои любимые. Я не знала как ее благодарить за это.

— Ерунда, — сказала она. — Просто проходила мимо кондитерской, вот и купила. Тебе нужно хорошо питаться, ведь теперь ты не одна.

В другой раз она принесла книгу. Она была старая и потрепанная.

— Почитаешь, если станет скучно, — бросила она ее на тумбочку. — Кажется, она про любовь.

А еще она приносила домашнюю еду. В основном это были легкие супчики и куриные котлетки с картофельным пюре. Мне кажется, так вкусно я не ела с детства.

Когда в очередной раз она достала из пакета пижаму, тапочки, зубную щётку, шампунь и расчёску, я расплакалась. Громко, навзрыд, как маленький ребенок.

— Ты чего? — спросила Елена Андреевна растерянно. — Я что-то не так сделала?

— Всё так, — всхлипывала я. — Всё хорошо. Просто... никто и никогда так не заботился обо мне ...

Я не договорила. Она подошла, села на край кровати и обняла меня молча, без лишних слов.

— Всё будет хорошо, Аля, — сказала она тихо. — Ты только держись. Ради себя и ради малыша. Тут тебе помогут.

Я поверила ей. Потому что этот человек врать не умела. Это я уже поняла.

Глава 4.

Я провела в больнице ещё десять дней.

Вера Сергеевна сказала, что нужно убедиться, что угроза выкидыша миновала окончательно. Врачи кололи мне какие-то лекарства, ставили капельницы, каждое утро брали анализы. Я лежала и смотрела в белый потолок, боялась лишний раз пошевелиться, чтобы не навредить малышу.

Постепенно боль ушла. Сначала физическая. Потом — та, что внутри.

Я перестала вздрагивать по ночам от каждого шороха. Перестала просыпаться в холодном поту, слыша во сне голос Богдана: «Ты — второй сорт». Теперь я каждое утро просыпалась от того, что в палату заходила медсестра с градусником или Вера Сергеевна приносила мне завтрак.

Она заходила ко мне каждый день, иногда даже по два раза. Утром — перед обходом, вечером — после работы. Вот и сегодня, я услышала ее быстрые, уверенные шаги в коридоре. Дверь открылась и она спросила как обычно:

— Ну как моя пациентка сегодня?

И села на стул у окна.

Я заметила, что она всегда сидела именно там, ближе к

свету. Будто бы хотела, чтобы я видела её лицо без теней.

— Сегодня хорошо, — ответила я. И широко, от души, улыбнулась.

Вера Сергеевна кивнула, посмотрела на мою карту, что-то быстро -быстро помечая там ручкой. А потом вдруг отклонила бумаги в сторону и спросила:

— Ты думала, что будешь делать дальше?

Я замолчала и задумалась. Ответа на этот вопрос у меня, к сожалению, не было.

— Не знаю, — честно ответила я. — У меня нет жилья. Деньги у меня немного есть, я накопила и расчет на карту недавно пришел. Сниму наверное комнату, потому что теперь надо отложить хоть какие-либо деньги на ребенка.

Она слушала молча. Не перебивала, не задавала лишних вопросов. Просто смотрела своими спокойными глазами.

— Но я справлюсь, — добавила я быстро. Потому что боялась показаться слабой. — Найду какую-нибудь работу до декрета. Устроюсь медсестрой в другую больницу. Может быть...

— Может быть, — перебила она меня, — ты сначала восстановишься и перестанешь строить воздушные замки?

Я замолчала.

— Какая комната, Аля? Какая работа? — Вера Сергеевна наклонилась ко мне, и в её голосе появилось осуждение. — Посмотри правде в глаза: ты беременна. Срок еще маленький, но ты уже чуть не потеряла ребёнка. Тебе нужен покой, нормальное питание, наблюдение хороших врачей. Тебе нельзя сейчас трястись в автобусах, таскать тяжелые сумки и волноваться из-за того, что завтра будет нечем заплатить за койко-место в какой-нибудь общаге.

Я опустила глаза. Слезы снова подступили, но я сдержалась и не заплакала. Она была права...

— Но у меня нет другого выбора, — прошептала я. — Так получилось, что мне просто некуда идти и некому обратиться за помощью.

Вера Сергеевна встала, подошла к окну, посмотрела на улицу. Сегодня на улице был легкий ноябрьский морозец. Небо прояснилось, и сквозь тучи пробивалось бледное солнце.

— А если я скажу, что есть? — спросила она, не оборачиваясь ко мне.

Я не поняла ее.

— Что вы имеете в виду?

Она повернулась ко мне. В её руках была ручка — она машинально крутила её пальцами. Это было единственное движение, которое выдавало её волнение.

— У меня очень большой дом, Аля, — сказала она. — Я там живу одна. Муж умер пять лет назад, дети выросли и разъехались, кто куда. Старший сын живет в Питере, младшая дочь за границей. Приезжают один раз в год, на Новогодние праздники. А я устала возвращаться после работы в пустую квартиру, разогревать для себя одной ужин и разговаривать с телевизором.

Я слушала, затаив дыхание.

— Я предлагаю тебе пока пожить у меня, — сказала она просто. — Не как сиделка, не как прислуга. Как человек, которому нужна помощь. Поживёшь, сколько тебе понадобится. Придёшь в себя, встанешь на ноги. А там посмотрим.

Я открыла было рот, чтобы что-то сказать в ответ, но не смогла. Голос пропал. В горле стоял ком, такой огромный, что я боялась задохнуться.

— Вера Сергеевна... — выдавила я наконец. — Я не могу... Это слишком благородно с вашей стороны... Но так же нельзя...

— Что именно нельзя? — спросила она спокойно. — Дать тебе крышу над головой? Тёплую кровать? Горячую еду? Это, Аля, базовые вещи, которые должны быть у каждого человека. А у тебя их нет. И это неправильно.

— Но я чужая для вас, — прошептала я. — Я для вас никто. Вы меня даже не знаете толком.

Она грустно усмехнулась.

— Все, что нужно, я знаю о тебе — сказала она. — Я знаю, что тот мужчина, который выгнал тебя на улицу, — отец твоего малыша. Я знаю, что ты осталась совсем одна, без денег и без жилья, и при этом не даже не думала о том, чтобы избавиться от ребенка. Этого мне вполне достаточно.

Я смотрела на неё и не верила своим ушам.

— Откуда вы...

— Я врач, Аля. И женщина. Я прожила долгую жизнь. Я умею читать между строк. — Она подошла ближе и села на край кровати. — Ты ни разу не позвонила никому за эти дни. Никто не пришёл к тебе, никто не спросил, как ты. Я спросила у старшей медсестры — у тебя не было посетителей.

Я опустила голову. Слёзы капали на одеяло, оставляя на нем мокрые пятна.

— У меня правда совсем никого нет, — прошептала я.

— Теперь есть, — сказала Вера Сергеевна.

Она взяла меня за руку. Её ладонь была тёплой, крепкой, с мозолями от скальпеля — руки хирурга, который много лет держит в руках инструменты. Но в этом рукопожатии было еще что-то материнское, надёжное.

— Я не предлагаю тебе жить у меня вечно, — продолжила она. — Ты должна просто встать на ноги. Окрепнуть физически и морально. А потом... — она сделала паузу. — Потом ты можешь выйти к нам на работу.

Я подняла голову.

— Что?

— Да, в нашу клинику, — пояснила Вера Сергеевна. — У нас не хватает медсестёр. Ты — дипломированный специалист, я видела твои документы. И я видела, как ты общаешься с соседками по палате. Ты добрая, терпеливая, ласковая. Такие кадры нам нужны.

— Но я... — я растерянно заморгала. — Я даже не думала об этом...

— Вот и не думай, — перебила она. — Соглашайся.

Я молчала несколько секунд. В голове крутились тысячи мыслей, но ни одна не могла сложиться в связный ответ. Слишком много всего случилось за последние дни. Слишком много боли, страха, отчаяния. И вдруг — этот луч надежды.

— Вы правда хотите мне помочь? — спросила я тихо. — Просто так? Ничего не требуя взамен?

— Просто так, — кивнула Вера Сергеевна. — Потому что когда-то, очень давно, я была на твоём месте. Беременная, брошенная, без копейки денег. И меня тоже спасла одна жен-

щина. Она дала мне кров, работу и веру в то, что я чего-то стою. Теперь моя очередь помочь тебе.

Я не выдержала. Я разрыдалась — громко, взхлёб, как ребёнок. Но это уже были не те слёзы, что на холодной улице под дождём. Другие. Тёплые, очищающие.

Вера Сергеевна не стала меня успокаивать. Она просто сидела рядом и держала меня за руку. Ждала, пока я выплачусь и успокоюсь.

— Глупая девочка, — сказала она наконец, когда слёзы закончились. — Вытри нос и собирайся. Завтра я тебя выписываю. Поедешь со мной.

— А как же работа? — спросила я шёпотом.

— Работа подождёт, — ответила она. — Сначала надо, чтобы ты перестала бояться собственной тени. И чтобы ты хоть немного окрепла. Месяц-другой отдохнёшь, наберёшься сил. А потом, если захочешь, выйдешь на работу. Если передумаешь — будем думать, что ты будет делать дальше.

Я кивнула. Слова закончились. Осталась только благодарность — такая огромная, что она не помещалась в моей груди.

В тот вечер я впервые за долгое время заснула спокойно. Я знала — завтра меня ждёт не мрачная неизвестность. Меня ждёт человек, который сегодня сказал: «Теперь у тебя есть я».

И я хочу в это верить.

Утром, когда я выходила из больницы, солнце светило так ярко, отражаясь в лужах после вчерашнего дождя, будто радуясь моей выписке.

Вера Сергеевна ждала меня у выхода, около той самой чёрной машины, которая чуть не сбила меня на дороге десять дней назад.

— Ну что, — сказала она, открывая дверь. — Поехали домой?

Я села на пассажирское сиденье, пристегнулась, уже привычным жестом положив руку на свой живот.

— Поехали, — ответила я.

И счастливо улыбнулась.

Впервые за очень долгое время — искренне, от души.

Глава 5.

Дом Веры Сергеевны оказался не таким, как я себе представляла.

Я почему-то думала, что увижу хрустальные люстры, кожаные диваны и позолоту на стенах — как в том доме, откуда меня выгнали. Но здесь всё было иначе. Просторная трёхкомнатная квартира в старом сталинском доме. Высокие потолки, лепнина на карнизах, массивная дубовая мебель. В воздухе пахло сушёными травами и почему-то яблоками. На подоконниках стояли цветы в глиняных горшках — герань, фиалки, какой-то огромный фикус, который занимал половину окна в гостиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.